

ПАМЯТЬ

ГОД ПОБЕДЫ

“Служил Советскому Союзу. Сокровенное” – так называется книга Ивана Петровича Вертелко, ветерана Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза, ныне живущего в центре Москвы на Патриарших прудах. Он встречает 70-летие нашей Победы на 88-м году своей жизни.

В 1944 году семнадцатилетний крестьянский сын Иван, уроженец брянской деревни Стригово, проведший 2 года в оккупации, после освобождения Брянщины и короткого обучения в запасном стрелковом полку влился в действующую армию, когда война гремела на берегах Балтийского моря и в Кёнигсберге. После Победы его ждала жизнь профессионального военного, и в отставку он вышел лишь в 1991 году в звании генерал-полковника пограничных войск КГБ СССР. Предисловие к книге написал его земляк Пётр Проскурин. Это была одна из последних публикаций Петра Лукича.

“Его выгоняли из школы, а он снова оказывался за партией. Его учёбу обрывала война, а он, будучи уже в офицерском чине, вопреки существующим официальным запретам, тайно посещал вечернюю школу, чтобы получить среднее образование. Судьба готовила ему участь “закладной скотинки” в немецком “раю”, а он переиначивал всё по-своему, уходя от неё сквозь колючую проволоку и треск винтовочных выстрелов.

Он считал, что навеки зарыл свой штык в Кёнигсберге, а тут, когда виски уже убелила седина, ему пришлось отправляться на новую войну – в Афганистан. Там Иван Петрович отвоевал ни много ни мало – почти девять лет, как говорил он сам – два срока Великой Отечественной. И здесь тоже случилось всякое: и в логове душманов был, сопровождаемый одним лишь офицером-переводчиком, и на чужих самолётах и вертолётках, как на воздушных “попутках”, летал, рискуя оказаться на враждебной территории. Его жизненный путь был путём простого русского солдата. Его кредо заключалось в служении родной земле, своему народу и Отечеству. Сколько раз ему приходилось произносить эту крылатую фразу: “Служу Советскому Союзу!” Она слетала с его губ тогда, когда первые танки, сломавшие оборону гитлеровцев, мчались по улицам Минска, и тогда, когда он, командуя уже сотней танков, делал “погоду” на учениях “Днепр”. Когда, являясь беспристрастным арбитром в споре министерств обороны и оборонной промышленности, испытывал новую боевую машину – танк Т-72, и, не оглядываясь на сильных мира сего, вынес вердикт: это – лучший танк за всю отечественную историю!

Он всегда оставался солдатом Советского Союза – краеугольного “материка”, хранившего равновесие мира, несказанно обогатившего духовную среду человечества, указующего ему истинный выход в будущее, – до последних дней великой державы, уже чувствуя начавшийся необратимый распад партийных и государственных верхов, замешанных в неслыханном национальном предательстве.

Государственное мышление, ясный стратегический ум и масштаб отличают книгу крупного военачальника – Ивана Вертелко. Близость к солдату, понимание его трудного ратного долга перед Отечеством и долга государства перед своими сыновьями и защитниками, государства, которое ныне нередко остаётся отстранённо-равнодушным к нуждам наших ветеранов, разгромивших величайшее зло – фашизм, – все эти и многие другие вопросы встают в книге Вертелко перед читателем.

Всё это – уроки суворовской и кутузовской “Науки побеждать”, к которой необходимо вернуться в государственном масштабе, чтобы сохранить Россию, вернуть ей славу великой ратной Державы.

Пётр Проскурин

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ*

Поезд мчал нас мимо украинских хат и пирамидальных тополей. Земля, уже прогретая весенним солнцем, торопилась сбросить с себя белый покров, залечить раны, оставленные на её теле войной. В эти благословенные края уже пришёл мир. Но там, куда двигался наш эшелон и откуда шли навстречу поезду с ранеными, продолжалась ожесточённая схватка с врагом.

После войны, просматривая путь резервных частей, в состав которых входило и наше пополнение, я понял, что нас планировали использовать на завершающем этапе Яско-Кишинёвской операции. Но, похоже, обошлись старыми силами, и с румынских предгорий нас перебросили в смоленские леса. Столь загадочные маневры для меня тогда были необъяснимы. На самом же деле за всем происходящим стояла жесткая логика событий. Закрепившись на достигнутых в Яско-Кишинёвской операции рубежах, 5-я гвардейская танковая армия скрытно переформировывалась и выводилась под Смоленск, где накапливались силы для операции «Багратион».

Не только мы с товарищами, но и бдительная немецкая разведка были сбиты с толку странными «манипуляциями» наших частей. По данным гитлеровцев, выходило, что 5-я армия осталась в Румынии. Действительно, и танки, и артиллерия, и другая техника, принадлежавшие объединению Ротмистрова, оставались на тех позициях, где они были остановлены после завершения операции. Но штабы уже действовали в Белоруссии. Именно там части армии доукомплектовывались по штату, получали новую технику и вооружение, готовясь к новой решительной схватке с врагом. Здесь, на импровизированных учебных полях, почти с фотографической точностью воспроизводились укрепления и оборонительные рубежи противника, с которым предстояло вступить в единоборство. На этом в считанные дни остроённом полигоне отработывались задачи наступления, производилось сколачивание взводов, рот, батальонов.

Меня вместе с двумя земляками, Шурой Лезговко и Борей Комковым, определили в 75-й отдельный мотоциклетный разведывательный батальон, входивший в состав 29-го Знаменского Краснознамённого орденов Суворова и Кутузова гвардейского танкового корпуса, который являлся составной частью знаменитой 5-й гвардейской танковой армии. И здесь наши пути разошлись. Нет, дружить мы, конечно, не перестали. Но по неписаным законам того времени новичков старались помещать рядом с опытными бойцами. Моими наставниками оказались молчаливый солдат Василий, фамилии которого я, к сожалению, не запомнил, и сибиряк Алексей Фролов.

Меня как молодого частенько посылали на кухню с тремя котелками. Но, как я скоро понял, делали это не из желания показать своё превосходство, а чтобы хоть немного меня подкормить. Если пищи было вдоволь – ели все. Ну, а если щи или каша только-только покрывали дно котелка, мои наставники почти всегда отдавали мне свои порции: «Наворачивай, Ваня, мы найдём, где перекусить».

Навсегда осталась в моём сердце благодарность к этим суровым, но добрым людям, вынесшим на своих плечах тяготы трудных лет войны. Их мудрость, дружелюбие, их наука помогли мне выжить и состояться как солдату.

– Не торопись, Ванюша, – сдерживал мой наступательный пыл старый фронтовик, водитель мотоцикла Сорокин. – Ты этой дорогой впервые идёшь, а я её второй раз, родимую, подмётками меряю. В сорок первом прошагал по

* Глава из книги Ивана Вертелко «Служил Советскому Союзу. Сокровенное» М., Граница, 1996.

ней аж до Волги! Теперь – обратно. Дома меня, Ваня, жена ждёт и трое ребятшек! Представь, сколько слез прольётся, если меня невзначай убьют. Да и у тебя, чай, лишней головы нет...

По фатальной случайности другой мой старший товарищ и почти земляк – сумчанин Иван Кравченко – погиб от осколков снаряда, который был предназначен мне. Случилось это в Прибалтике, когда мы в ожидании контратаки немцев спешно окапывались на опушке леса. Так получилось, что, отрывая окоп, я попал на корни и не смог его углубить. А сидеть, ожидая врага, в положении, когда колени упираются в подбородок, весьма неудобно. Видя мои страдания, Кравченко, отрывший окоп по полной форме, сказал:

– Давай, Ваня, окопами махнёмся. Мне, с моим ростом, твой вполне сгодится. А ты в моём разместишься с комфортом.

Так и сделали. Едва расселились, начался артобстрел. Мина разорвалась прямо у моего бывшего окопа. Когда дым рассеялся, я бросился к Ивану. Он ещё стонал.

– Потерпи, браток! – кричал я, пытаюсь вытащить его из окопа.

Изуродованный осколками, Иван Кравченко умер у меня на руках...

Нелепой, случайной, досадной показалась мне гибель товарища. Но война с её безжалостной логикой всё чаще и чаще доказывала, что на полях Марса смерть ведёт свою страшную жатву, не разбирая правых и виноватых, хороших и плохих...

О разведчике Алексее Урбаханове в корпусе ходили легенды. Был он по национальности монгол и, говорили, якобы – потомок Чингисхана. Впрочем, все монголы считают себя потомками “покорителя Вселенной”. Однако Алексей пошёл в своего далекого пращура не только раскосыми глазами. Косая сажень в плечах, под два метра ростом, он выносил “языков”, складывая их пополам, в наволочке из-под матраца. Участвовал в самых дерзких рейдах группы захвата и ни разу не был ранен.

Погожим деньком в лесу у Шауляя, где мы стояли лагерем за пять – семь километров от фронта, один наш солдат-художник, усадив Урбаханова на пеньк, рисовал его портрет. Наблюдая издали за работой живописца, мы видели, как проявляется на белом листе ватмана скуластое Лёшкино лицо, и завидовали такой чести.

Вдруг, раздался заунывный звук приближающегося снаряда. “Ложись!” – крикнул кто-то. Ударившись в ствол дерева, снаряд разорвался прямо над нашей поляной... Один за другим бойцы поднялись с земли, отряхивая приставшие травинки. И только Лёша Урбаханов остался лежать у пенька, на котором только что сидел. Маленький осколок попал ему точно в висок...

Но первой потерей, потрясшей меня и ставшей для меня первым суровым уроком войны, стала смерть нашего командира отделения, сержанта Сеницына. Произошло это вскоре после того, как части армии, закончив подготовку к операции “Багратион”, перешли к решительным действиям. Ломая оборону гитлеровцев, они неудержимо рвались к Березине.

Наше отделение, высланное от батальона в качестве головного разведывательного дозора, попало в засаду. На узкой лесной дороге, окутанной предрассветным туманом, очень трудно было понять, откуда по нам лупят.

– Назад! – успел крикнуть сержант Сеницын и упал, подкошенный автоматной очередью.

Отступив, мы обошли место засады и, зайдя с тыла, обнаружили в окопе одного-единственного фашиста, который вдобавок оказался ещё и раненым. Тут его и схватили.

– Сволочь! – сказал кто-то из солдат. – Это он убил нашего сержанта.

Отчаяние и горечь, вызванные потерей товарища, переполняли нас. То, что немец должен умереть, ни у кого не вызывало сомнений. Кто-то передёрнул затвор, намереваясь шлёпнуть его на месте.

– Слишком почётно для фашиста. Лучше повесить, – остановил его товарищ.

Облюбовав накренившийся телеграфный столб с обрывками проводов, мы тут же сделали необходимые приготовления и подвели немца к петле. О том, что поступаем незаконно, в тот момент никто не думал: горе, причинённое завоевателями нашему народу и каждому из нас, было безмерно. Об отмщении молили сожжённые сёла и города, осиротевшие дети и их убитые и замученные отцы и матери, об отмщении кричала истерзанная и поруганная белорусская земля. Во мне тоже клокотала ненависть к врагу. Два года, находясь в ок-

купации, я молил Бога, чтобы в нашу, стоящую особняком деревню зашли немцы. Мне жутко хотелось собственноручно угробить хотя бы одного фашиста, закопать его у нас в погреб и таким образом приблизить конец войны. А потому я бестрепетно смотрел на приготовления к казни. И только сердце на мгновение захолонуло, когда кто-то вышиб из-под ног фашиста обрубок бревна. Но то ли верёвка оказалась непрочной, то ли немец слишком тяжёлым, то ли Всевышний уберёт нас от греха, но фриц рухнул на землю.

Наиболее решительные наладились было повторить процедуру, но немец знаками стал умолять нас, объясняя, что во все времена существовал закон – не вешать повторно... Тут и мы малость поостыли.

– Чёрт с ним, братцы. Синицына всё равно не воскресить. Сдадим гада в плен...

К концу июня вышли к Березине.

Сколько завоевателей помнит эта река! Шведы, поляки, литовцы... Кто-то из офицеров сказал, что именно в этом месте, к которому подошёл наш корпус, в 1812 году полчища Наполеона переправлялись в Россию. Рассказывали, что вековые сосны на берегу реки ещё хранят в себе ржавые осколки ядер, кусочки шрапнели. Не знаю, правда это или нет, но то, что мы в сорок четвёртом, повторяя путь кутузовских солдат, вышибали басурман за пределы Отечества, – факт несомненный. И так же, как сто с лишним лет назад, над волнами Березины гнулись под тяжестью солдатских сапог дощатые настилы мостов, слышались крики команд и разухабистые русские словечки, без которых на войне никак не обойтись.

Кстати, гатить болота, которыми так изобилует пойма Березины, и выстилать брёвнами подходы к переправе нам помогли местные крестьяне. Они без сожаления отдавали на разбор свои хозяйственные постройки.

– Берите, братушки! Мы потом обустроимся. Главное, чтоб вы немцев скорее прогнали!

На реке мы увидели маршала А.М. Василевского. Стоя рядом с комендантом, он давал распоряжения об очередности прохождения переправы.

– Десять танков! Десять пушек! Десять машин с боеприпасами! Кухни – в сторону! В сторону, я сказал! Потом переправятся...

Второго июля разведчики нашего батальона, в числе которых был и я, уже шагали по Минску. Фронтной “киношник” в этот день даже заснял нас на плёнку у Дома Правительства, над которым уже развевался красный флаг. “Ты там, Ваня, как живой!” – рассказывал потом кто-то из знакомых, видевших этот документальный фильм.

После освобождения Минска меня наградили медалью “За отвагу”. Это была первая по-настоящему боевая награда. Она мне и сейчас кажется дороже иных орденов.

О дальнейшем пути нашей части говорит моя красноармейская книжка, где вписаны благодарности за освобождение Молодечно, Вильнюса, Каунаса...

Нет слов, путь нашей части славный, победный. Но в жизни подчас не всё оказывается так красиво, как в сводках штабных донесений и реляциях больших начальников. Всякое бывало. Порой совершенно непостижимым образом уживалось комичное и трагичное, высокое и низменное, благородство и подлость, отвага и трусость. Война испытывала людей на прочность, обнажая их подлинную сущность.

На место погибшего Синицына был назначен сержант Акиншин. Замена оказалась неравноценной. И в этом мне вскоре пришлось убедиться.

Немцы контратаковали, как бешеные, и пехота вынуждена была зарыться в землю по самые уши. Однако наше командование всё же планировало перейти к активным действиям, и нас с сержантом Акиншиным послали на передний край для сбора разведанных о противнике. На первый взгляд задача казалась несложной: передвигаясь по траншеям, а там, где они прерывались, от ячейки к ячейке, нанести на карту всё замеченное пехотинцами на немецкой стороне. А также собрать сведения о характере передвижений противника, о порядке освещения местности в тёмное время суток, сигналах и т. п. Но наш передний край достаточно хорошо простреливался, и маячить под носом немецких снайперов было занятием не из приятных.

По мере продвижения к переднему краю, лицо моего сержанта становилось всё более озабоченным. А когда до ближайшей траншеи осталось рукой подать, Акиншин приказал остановиться.

— Знаешь, Вертелко, у меня что-то живот прихватило. Я отсижусь под тем вот мостиком через ручей, а ты пока начинай работу. Двигайся вправо — догоню. А нет — увидимся вечером на этом же месте. — С этими словами он сунул мне карту — и был таков.

Конечно, случается и так, что в разведку ходят в одиночку. Но куда как лучше идти на опасное дело, когда чувствуешь рядом надёжное плечо товарища. Я этого плеча внезапно лишился, и у меня тревожно засосало под ложечкой. Однако задачу никто не снимал, нужно было её выполнить, и я пополз. Вернулся на место, где расстался с Акиншиным, только часов через пять или шесть, когда карта была уже густо испещрена условными знаками. И сержант тут как тут.

— Вернулся, Вертелко! Вот и ладненько. А я думаю, куда запропастился? Пора уж обратно двигать, темнеет.

У мостика я его тормознул:

— Слышь, сержант, погоди маленько. Я по нужде схожу, — и обратно.

Какая нужда заставила спуститься под мостик, думаю, понятно. “Вещественных доказательств” расстройства желудка сержанта я там не обнаружил и больше в разведку с ним не ходил.

Несмотря на ожесточенное сопротивление немцев, наше продвижение к Балтийскому морю было упорным и поступательным. Ломая рубеж за рубежом оборону гитлеровцев, части 5-й гвардейской танковой армии преодолевали по 50–60 километров в сутки.

Особенно яростные бои велись за прибрежные города Мемель (нынешняя Клайпеда) и Палангу. С их утратой мощнейшая группа армий “Север”, дислоцирующаяся в Курляндии, оказывалась отрезанной от восточной Пруссии. Первым вышедшим на побережье были обещаны награды, и наиболее дерзкие удалыцы из разведчиков всеми правдами и неправдами стремились выполнить эту задачу. Нашёлся даже один чудак, который пошёл на подлог.

Принесенная им во фляге вода и вправду была солёной. Но незадачливо-го “мюнхгаузена” подвело то, что соль, которую он бросил для воспроизведения “морского эффекта”, до конца не растворилась. Авантюрист был изобличён и посрамлён.

Как бы там ни было, в конце октября мы всё же увидели Балтийское море. Его холодные, стальные волны с шипением набегали на песчаный берег. Но кроме холода, море несло и опасность. Части 5-й гвардейской танковой армии, вышедшие на побережье, подвергались массированному обстрелу с немецких кораблей, это было ужасно. От бомбёжки с воздуха можно спрятаться, от ударов наземной артиллерии и миномётов, при желании, тоже удавалось уберечься. Но от залпа из трёх-четырёх снарядов, выпущенных 203-мм или 310-мм корабельным калибром, не спасёт ни окоп, ни землянка в три наката. После попадания таких снарядов оставались только огромные воронки, и больше ничего. Наша дальнобойная артиллерия, способная отгонять корабли от берега, ещё не подошла, и мы чувствовали себя чертями на сковородке, в которую кто-то огромный и сильный плюхал огненную яичницу.

В такие жуткие моменты, вслушиваясь в тягуче-протяжный звук летящего с немецкого корабля “подарка”, мы нарочито бодрились, вспоминая что-нибудь забавное из фронтовой жизни.

— А помнишь, Вань, как нам “мессеры” помогали бельё сушить? — спрашивал мой товарищ, в паре с которым мы отрывали цель.

— Как не помнить! — откликнулся я.

Мы тогда стояли лагерем километрах в пяти-шести от передовой. Новых вводных не ожидалось, и старшина роты Михаил Батлин решил устроить банно-прачечный день. “Завшивели мои орлы, — сказал он комбату, — пора провести санитарную обработку”.

Комбат дал “добро”, и скоро на лесной поляне запылали костры, на которых в бочках из-под бензина кипятилась наша одежда. Бойцы в наряде Адама в живописных позах загорали на поляне. И вдруг — нарастающий гул самолётных двигателей. А вот и кресты на крыльях. Сделав боевой разворот, “мессеры” стали пикировать на наш Эдем. Пришлось уносить ноги в чём мать родила. Потом мы снимали нашу одежду с ближайших кустов и деревьев. Правда, после немецкой “просушки” трудно было определить, где гимнастерка, а где штаны. Иные бойцы из необстрелянных, проплутав по лесу целый день, возвратились к месту события только вечером, продрогшие, голодные,

исцарапанные, в импровизированных набедренных повязках. Ну, и смеху же было!

Теперь налёт “мессершмиттов” казался в сравнении с ударами корабельной артиллерии комариным укусом. И какое же облегчение вызвало у нас появление “ястребков”, которые смогли расстроить боевой порядок немецкой эскадры и отогнали её от берега. А потом, наконец, и наша артиллерия подошла.

Немцы, конечно, тоже времени даром не теряли. Пытаясь воспрепятствовать блокированию курляндской группировки, они перешли к активным контр-наступательным действиям. Основные усилия сосредоточили в направлении Шауляя. Ежедневно гитлеровцы совершали по пять – восемь контратак с использованием большого числа танков. Полукольцо окружения, упирающееся своими дугами в балтийский берег, порой истончалось настолько, что снаряды противника, перелетая наши позиции, разрывались в боевых порядках немцев, атакующих с другой стороны. Чтобы удержаться на занятых рубежах, наши танкисты зарывали свои “тридцатьчетвёрки” в землю по самую башню. А поскольку пехота ещё не подошла, экипажи делились надвое. Наводчик и заряжающий вели огонь из башни, а командир с механиком-водителем отрывали рядом ячейки и боролись с фаустпатронниками, для которых зарытые танки были отличными мишенями.

Все боевые машины Прибалтийского фронта, способные по запасам моторесурса совершить длительный марш, были брошены в район Шауляя. Бронетехника с ограниченным запасом хода доставлялась на трейлерах.

Несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, мы всё же смогли надеть намордник на пасть ощерившегося курляндского зверя. Но он по-прежнему оставался опасным. И пока часть сил I Прибалтийского фронта теснила на запад группу армий “Центр”, ещё недавно пытавшуюся соединиться с курляндцами, другие его части и соединения, в том числе и наша 5-я армия, железным заслоном встали на пути отрезанной группировки противника. Война в Прибалтике приобрела позиционный характер.

Я уже писал о том, что на фронте мальчишки взрослеют быстро. Действительно, они становятся более расчётливыми, собранными, смекалистыми, более зрелыми в делах и поступках. Но при этом всё равно остаются мальчишками, что особенно заметно в период затишья на фронте, на отдыхе, в моменты вынужденного безделья, когда проказы и шалости рождаются как бы сами собой.

Была в нашем батальоне рыжая немецкая кобыла – любимый трофей старшины Батлина. Он её берёт и лелеял, числил в своём хозяйстве единцей номер один. Солдаты из деревенских тоже были к ней неравнодушны – за счастье считали проехаться верхом, хоть на минуту ощутив себя босоногими пацанами, отправляющимися в ночное. А однажды, когда старшины не было в расположении батальона, мы устроили настоящий цирк. Затея состояла в том, чтобы, усевшись верхом на неоседланную лошадь, пустить её в галлоп, на полном скаку встать на колени, а затем и на ноги, балансируя босыми ступнями на холке кобылы! Один за другим мои сослуживцы терпели фиаско, срываясь вниз. У меня же номер этот вышел лучше всех. Но когда я мчался, стоя на спине у лошади, нежданно-негаданно прозвучал голос старшины.

– Ну, ты, жердь! Полно над животным издеваться!

Последовали громы и молнии, которые в мгновение ока смели меня со спины кобылы. Правда, в тоне старшины я уловил и нечто похожее на восхищение моим ездовым искусством:

– Ишь ты... казак выискался! Чтоб это было в первый и последний раз. Лошадь использовать только по назначению!

И мы оставили нашу Рыжую в покое. Но тут же нашли новую забаву. Теперь это, кажется, называется автородео. А тогда это было, по выражению старшины Батлина, злостным хулиганством и порчей государственного имущества. Забава же наша состояла в том, что мы решили поупражняться в прыжках с трамплина на мотоцикле. Выстроив из подручного материала стенку высотой около метра и уложив на неё ворота, принесённые с заброшенного хутора, мы отцепили от мотоцикла коляску и устроили настоящие состязания, где делались ставки и заключались пари на сахар, на чай, на фронтовые “сто граммов”. Азарт соревнующихся и зрителей достиг апогея, когда, как всегда неожиданно, возник старшина Батлин. Обведя гневным взором притихших разведчиков, он задал вполне логичный вопрос:

– Чей мотоцикл?

Потупив голову, я невнятно пробормотал, что мотоцикл мой.

– Т-а-а-к! Командир отделения – пример для подчинённых. Что, война уже кончилась? Или мы больше наступать не будем – можно технику гробить? – припечатывал меня убийственными фразами старшина. Наконец, он сделал резюме:

– Мотоцикла тебя лишаю. Будешь, как Утёсов поёт, водителем кобылы. Дружный хохот моих товарищей был обиднее всех высказанных старшиною слов.

Тут же Батлин отдал приказ:

– Запрягай Рыжую, поедешь за провиантом на корпусной склад.

И поплёлся я под колкие шпильки сослуживцев на хозяйственный двор выполнять поручение старшины.

До склада было около пятнадцати километров. Между тем день катился к вечеру. Земляк Батлина, заведовавший корпусным продовольствием, не ропился меня отпускать. Заглядывая под брезент, которым были укрыты штабеля продуктов, он не спеша выискивал какие-то коробки и коробочки, ящики и ящички, которые я относил на телегу. Когда тронулся в обратный путь, на землю уже опустились быстрые ноябрьские сумерки. Впрочем, дорога была хорошая, и я не слишком опасался заблудиться. Под мерный стук копыт хорошо думалось, наплывали картины прошлого...

Вот я сижу в родной хате, качаю люльку с сестрёнкой. Мать гремит чугунами у печки. А за окном – лихой посвист ребят, уходящих в ночное, и крик: “Ванька! Догоняй!” У меня внутри всё кипит от нетерпения, а сестричка всё плачет. Я тихонечко просовываю руку под пелёнки и легко щипаю сестричку за бочок. Она ревет ещё громче. Мать не выдерживает, подходит и начинает укачивать её сама. А мне того и надо: шашть за порог – и был таков.

Ходить в ночное – излюбленное занятие деревенской ребятни. Ведь только тёплыми летними вечерами и удавалось поскакать на необъезженных молодых стригунках, которых выдерживали в табуне до двух-трёхлетнего возраста, когда их можно будет использовать в хозяйстве как полноценных рабочих лошадей. До этого же молодняк гулял вольно, и только пацаны досаждали жеребятна своими играми в лихих кавалеристов. Сколько редкого в ту пору и страшно дорогого сахара было извезено, сколько подушек, использованных на манер седла, испорчено! Но какое это ни с чем не сравнимое удовольствие поскакать на необъезженном жеребце!

Мерно трясясь на облучке, за мечтами и размышлениями я не заметил, как совсем стемнело, а с неба стал сыпать противный полудождь-полуснег. И совсем упустил из виду, что в одном месте по пути на склад мне пришлось свернуть с грунтовки в сторону, переехать через мосток, а затем вновь вернуться на столбовую дорогу. За эту забывчивость я и поплатился. Трофейная лошадь, видать, была не крестьянских кровей – наши обычно осторожнее хозяйина. А эта как шла, так и шла, не учуяв обрыва там, где, должно быть, всего несколько месяцев назад находился мосток. Рыжая почувствовала опасность слишком поздно. Глиняный грунт под её передними копытами обвалился, и она, увлекая за собой и меня, и телегу, полетела в воду. В считанные секунды я, как был, в сапогах, телогрейке и ушанке, оказался в ледяной воде.

Телега, упершись в одну из обгорелых свай бывшего моста, стала на попа, а лошадь, скованная упряжью, подпираемая сзади телегой, билась, напрасно стараясь высвободить погружённую в воду голову. Может, кто другой и растерялся бы в подобной ситуации, только не я! Печальный опыт утопленной коровы, а также случай, когда мы однажды чуть не утонули с отцом, провалившись с санями на тонком весеннем льду, научили меня действовать решительно. Не выпуская из рук вожжей, я пробрался, держась за оглоблю, к голове лошади и в мгновение ока перерезал финкой гужи и чересседельник. Освободившись, Рыжая подняла морду, и стала с шумом отфыркиваться: видать, успела нахлебаться студёной водицы. По-прежнему удерживая лошадь в поводу, нашёл пологое место и выбрался на берег. Кобыла послушно следовала за мной. Отряхнулась как ни в чём не бывало – хоть снова запрягай. Моё положение было несколько хуже. Снял сапоги, я вылил из каждого по пол-литра воды, отбросил в сторону портянки и надел кирзачи на босу ногу. Вернулся к месту происшествия, осмотрелся. Всё, что лежало в телеге, оказалось в воде. Тяжёлые ящики пошли ко дну, а то, что плавало, унесло тече-

нием реки. Спасать груз сил не было. Гораздо больше меня волновало, а где я вообще нахожусь? В какую сторону идти? Как добраться до своих? Рыжая тихо фыркнула, и у меня сразу же потеплело на душе: хорошо хоть не один... Словом, побрели мы с Рыжей по дороге в надежде выйти на какое-нибудь жильё. Вскоре я заметил огонёк. Наконец, из мрака выступили очертания хутора. Постучал в окно. Через минуту скрипнула дверь, и на пороге появилась женщина с мальчиком лет семи. Видно, он, старший мужчина в доме, выступал в роли её телохранителя. Женщина выглядела испуганной, и я сбивчиво поспешил рассказать о своих злоключениях. Но мой вид мокрого петушка и понурая лошадь с хомутом на шее и обрывками упряжи были, видимо, красноречивее слов. Привязав кобылу к изгороди, крестьянка пригласила меня в избу.

Переступив порог, я увидел на печке ещё одну обитательницу хутора – девушку лет пяти. Она испуганно таращила на меня глазёнки. Между тем хозяйка принесла пару самодканого льняного белья – штаны и сорочку, предложил немедленно переодеться за ширмой, вытащила из печки дрова, приготовленные для завтрашней растопки, устелила низ соломой и велела мне лезть в печь. С трудом просовывая своё длинное тело в это прокрустово ложе, я невольно подумал о том, что мне грозит участь братца Иванушки, которого Баба-Яга намеревалась изжарить на ужин. Тем более, в последнее время ходили упорные слухи, о “лесных братьях”, скрывающихся в глухих хуторах и при каждом удобном случае наносящих вред нашей армии. Сама хозяйка с трудом понимала по-русски, и мы объяснялись больше жестами. Но пока ничего страшного не произошло. По телу разливалось блаженное тепло. А потом с меня градом начал катиться пот. Я всё лежал и лежал в печи, а пот всё лился и лился, мне даже стало казаться, что я состою из одной воды. Потом совершенно неожиданно я начал просыхать и телом, и одеждой. Я вспомнил о лошади и спросил хозяйку, как там, мол, моя животина. Она жестами показала мне, что дала ей сена и покрыла попоной. Затем хозяйка пригласила меня за стол, о котором можно было только мечтать в военное время: и хлеб, и сало, и домашний сыр, и даже чарка самогона...

На рассвете, поблагодарив хозяйку за гостеприимство, я двинулся в путь. От одной мысли о предстоящей, встрече со старшиной мне становилось тошно. Однако первыми словами старшины были: “Вертелко! Жив! Ну, слава Богу!” А потом, конечно, начался “разбор полётов”, и влетело мне по первое число. На место происшествия старшина поехал сам, меня с собой не взял, чтоб не нервировал своим присутствием. А я, сидя на хоздворе и ожидая его возвращения, мучился угрызениями совести: испортил Батлину праздник. Ведь ему исполнилось тридцать лет, и продукты, которые я не довёз, предназначались в том числе и для того, чтобы отметить эту дату в батальонном масштабе. Впрочем, командование представило старшину к боевому ордену, и я утешал себя тем, что мой промах с лихвой компенсирован.

Война между тем продолжалась, мы, разведчики, занимались своей обычной работой – добывали информацию о противнике, брали “языков”, слушали и наблюдали. Правда, в условиях стабилизации фронта делать это становилось всё труднее, и мы пускались на всякие хитрости и ухищрения. Нейтральная линия между нами и немцами составляла триста-четырееста, а иногда и более метров. Разумеется, ни одной человеческой души на этом хорошо простреливаемом пространстве не было, зато стояли полуразрушенные крестьянские избы, хутора, где иногда попадалась одичавшая домашняя живность. Этот фактор мы и решили использовать, чтобы добыть очередного “языка”. Отловив трёх-четырёх гусей, мы проникли с ними под покровом темноты на заброшенный хутор на нейтральной полосе. Привязали гусака, а остальных птиц отпустили, зная, что от жоака они всё равно далеко не уйдут. Сами укрылись в засаде и стали наблюдать. На рассвете немцы заметили гусей, и несколько из них, особенно охочих до свежей гусятины, двинулись за добычей. Тут мы их и сгребли. Не знаю, чему мы тогда больше радовались: тому, что выполнили боевую задачу, или тому, что при этом сумели вернуть себе жаркое, которое было поставлено на карту. С продуктами бывали перебои, особенно в обороне, и потому самостоятельная добыча пропитания занимала в нашей жизни немаловажное место.

Помню, был период, когда с харчами стало особенно туго. Ходили мы полуголодные и злые. Осенняя распутица и затяжные дожди затрудняли подвоз продовольствия, а приоритет на разбитых просёлочных дорогах отдавался ма-

шинам, везущим боеприпасы и горюче-смазочные материалы. В то время на освобождённые земли стали возвращаться крестьяне, покинувшие свои дома во время боевых действий. В одном из таких домов мы приметили худющую пегую корову, которая, видать, вместе со своими хозяевами хлебнула немало лиха. Мы строили планы, как бы её умыкнуть, и при этом не быть разоблачёнными. Наконец, созрел великолепный план: увести корову, не оставляя следов, можно, обув её в солдатские сапоги. Так и поступили. Нарядив бурёнку в свои сапоги, мы отвели её в ближайший лесок, зарезали, изжарили и съели. Представитель особого отдела раскрыл преступление по горячим, а вернее, по слишком уж глубоким следам, оставленным нашей коровой. Но, принимая во внимание особые обстоятельства, дела заводить не стал. А главным обстоятельством, как мне кажется, было уж слишком долгое наше сидение на одном месте. Ведь при ведении активных боевых действий на подобные глупости просто времени не остаётся. Тут только думаешь, как бы урвать немного времени для сна. Только забудешься, а труба уже зовёт!

Наконец, дождались перемен. Из Курляндии часть перебросили в Восточную Пруссию, где наступление развивалось полным ходом. О его стремительности говорит хотя бы такой факт. Когда мы вторглись в город Эльбинг, в нём ещё продолжалась обычная жизнь: по улицам шли трамваи, на плацу военного училища строились на вечернюю поверку юнкера, на привокзальной площади репродуктор вещал на немецком языке.

— О чём базарят, товарищ младший лейтенант? — спросил я у своего командира взвода Валентина Панасюка, который неплохо понимал немецкий язык.

— Говорят, что русские вероломно перешли границу Германии и ведут наступление. . .

— Ишь ты, вероломно. . . — ругнулся кто-то из солдат. — Что они в Берлине запоят? . .

Шёл январь сорок пятого года. Мы воевали на чужой земле. И немецкая речь звучала повсюду. Слышать-то мы слышали, но ничего не понимали. Один Панасюк, понятно, всю разведку спасти не мог, и мы решили обзавестись переводчиком. Скольких прекрасных “языков” безвозмездно передали мы в высокие штабы! А вот сами по-настоящему воспользоваться услугами пленного немца так и не сумели. Главное, убедить какого-либо отловленного фрица пойти с нами на сотрудничество, это было весьма непросто: иногда попадались такие несговорчивые экземпляры, что с ними можно было вести диалог только при помощи автомата.

У одного из населённых пунктов на подступах к Кёнигсбергу наш дозор попал под обстрел. Осколком снаряда убило водителя мотоцикла, другим осколком искорёжило блок цилиндров. Мы с младшим лейтенантом Панасюком были вынуждены отходить пешком. Свернули на ближайшую улицу, и — вот так встреча! — по дороге шагает пьяный немец с карабином. “Сейчас узнаем, кто это по нас осколочными лупит”, — сказал Панасюк. Повязали мы немца, стали расспрашивать, а он отвечать категорически отказывается. Между тем, до нас всё явственней доносится гул моторов. Кто: свои, чужие? . .

Вытащив парабеллум, Панасюк подтолкнул им немца: “Ком шнеллер!” — А тот идти не хочет, упирается, как говорится, всеми копытами. Сам здоровый, под два метра ростом, на себе такого тоже не понесёшь. А тут ещё снег плотный повалил — в десяти метрах ничего не видно.

— Давай шлёпнем его, — предложил я младшему лейтенанту. — Всё равно толку от этого “языка”, что от козла молока, только лишние хлопоты.

— Не могу, — отвечает Панасюк. — У меня в пистолете только один патрон остался, для себя берегу.

Я передёрнул затвор ППС и нажал на спусковой крючок. Раздался глухой щелчок, но выстрела не последовало. Пистолет-пулемёт, смазанный летней смазкой, отказался стрелять. А гул танковых (теперь мы отчётливо слышали это) двигателей раздавался уже совсем рядом. Отчаявшись, я толкнул немца в спину, заставляя идти вперёд. И когда он в очередной раз встал, как вкопанный, треснул его прикладом по голове. Фриц медленно осел на снег, а мы с Панасюком рванули в сторону от дороги. Ещё немного, и неизвестно, кто бы у кого оказался в качестве “языка”.

А вот со следующим экземпляром нам положительно повезло. Он сразу заявил, что “Гитлер капут!”, и выразил полную готовность к сотрудничеству.

Утаив своего “языка” от командования, мы закамуфлировали его под члена экипажа и использовали при переговорах с местным населением и захваченными в плен солдатами и офицерами противника. С помощью нашего “ганса” мы смогли добыть немало интересных и ценных сведений о противнике и характере его действий.

Я уже считал себя законченным разведчиком, когда судьба неожиданно заставила меня сменить боевую специальность. В марте 1945 года в танковой роте нашего разведбата выбыл из строя один из заряжающих танка. А поскольку я хорошо знал пулемёт, который и на Т-34, и на наших мотоциклах был одинаковым, меня назначили на место того парня. Так я стал танкистом. И хотя громыхание мощной танковой пушки пришлось мне по душе, я не перестал испытывать страсть к стрелковому оружию. Найдя на поле боя немецкий пулемет MG-34, я радовался, как ребёнок, и с удовольствием испытал его качества, стреляя по пустым бутылкам, выставленным на бруствере окопа. Правда, взяв трофей в башню танка командир мне запретил. И так, мол, места не хватает. Тогда я приноровил свою находку на броне, между башней и запасным топливным баком. Авось на что-нибудь и сгодится. И сгодился!

Как-то во время очередной контратаки немцев под Шауляем, — а они, пытаясь деблокировать наше кольцо, предпринимали их по несколько раз на дню, — я вспомнил о трофейном пулемёте. Приладив его на бруствер окопа, в котором стоял наш танк, снарядил ленту несколькими сотнями патронов и с нетерпением стал дожидаться очередной атаки гитлеровцев.

И вот они появились снова. За тёмными силуэтами танков шли в полный рост высокие парни с закатанными рукавами мундиров, со “шмайсерами” в руках. Подбадривая себя выкриками, они стреляли от живота длинными захлёбывающимися очередями, от звука которых мурашки пробегали по телу. Передёрнув затвор, я выхватил в прицел первую цепь. Подходи поближе, мать вашу! Пулемёт вздрогнул и пошёл косить, перебивая треск их автоматов. Всё продолжалось не более нескольких минут. Мы сумели отсечь пехоту от танков, атака немцев захлебнулась.

— Ну, ты даёшь, Вертелко! — с восхищением говорили потом товарищи, хлопая меня по плечу. — В твоём секторе обстрела насчитали тридцать четыре убитых фрица. Командир сказал, что к ордену тебя представит.

Позже меня, действительно, наградили орденом Красной Звезды и направили на учёбу в военное училище. Однако это случилось уже перед самым концом войны. А пока мне ещё предстояло вкусить немало прелестей танкистской жизни: поучаствовать в новых боях, испытать на броне своего танка мощь фаустпатрона, эвакуироваться из объётой пламенем машины. Почему-то я не столько радовался тогда за свою спасённую жизнь, сколько печалился о сгоревшей в танке телогрейке. Моё отчаяние было так велико, что один из товарищей широким жестом одарил меня телогрейкой со своего плеча.

— Но предупреждаю, — сказал он, — хоть это и царский подарок, “автоматчиков” в нём — пруд пруди (“автоматчиками” мы называли вшей). Так что ты её, Ваня, прежде покопти хорошенько в камине, погоняй их, подлых.

Было это в то время, когда мы, расположившись на отдых в одной из богатых немецких усадеб, по-гусарски играли в карты, ставя на кон трофейные часы (денег на фронте не платили), пили вино, выставленное посреди залы в серебристом ведре, и слушали граммофон. Последовав совету товарища, я засунул телогрейку в духовку камина и присоединился к картёжникам.

Мы были в полном азарте, когда в зале совершенно неожиданно прогремели выстрелы. Хватая оружие, все повалились на пол. Но беспорядочная пальба стала ещё сильнее. Прошито пулями, расколосось зеркало напротив камина. Сержант Иван Подлесный вдруг застонал, схватившись за голову.

— Ваня, живой? — крикнул я ему.

— Вроде живой, — отозвался он. — Неизвестно откуда, залетела гильза, да прямо ему по лбу.

И тут мой приятель, подаривший мне телогрейку, приснул со смеху:

— Это твои “автоматчики”, Вертелко, стреляют.

— Что за шуточки? — огрызнулся я.

— Патроны, — давась от смеха, сказал он. — Патроны в карманах. Выложить забыл...

Метнувшись к камину, я выхватил из духовки дымящуюся и стреляющую телогрейку, швырнул на пол и принялся топтать ногами. Затем, схватив со

стола ведро с вином, принялся тушить пожар подручными средствами, за что мои товарищи меня чуть не убили: “Ты что, Ванька, очумел? Вином патроны охлаждать?!”

Когда выстрелил последний патрон, я поднял “расстрелянную” телогрейку и попытался подсчитать ущерб. На неё было жалко смотреть. Изрешеченная пулями, она напоминала мишень после стрельбы батальона.

— Ничего, Ваня, — утешали меня товарищи, — подлатаешь — сгодится. А то и так ходи. Всё ж вентиляция...

К счастью, кроме Подлесного, в тот день никто не пострадал. Но разбитое зеркало было скверной приметой, которая вскоре сказалась. Во время артобстрела, когда я залезал в танк, меня легко ранило в голову. Правда, из медсанбата я сбежал буквально на следующий день, чтобы, не дай Бог, не отстать от своего подразделения. Командир похвалил за верность боевому товариществу и вручил мне предписание о направлении в Казанское танкотехническое училище. Так что День Победы, который я мечтал встретить под стенами рейхстага, застал меня в Казани. Мы, новоиспеченные курсанты, в сотню глоток кричали “ура”. Над городом взлетали ракеты, и повсюду стояла пальба, которая казалась мне похоронным салютом по всем войнам, когда-либо гремевшим на земле.